

он встал и, засунув руки в карманы, с любопытством начал смотреть на показавшуюся впереди деревню. Издали она была до обмана похожа на обыкновенную русскую деревушку средней руки. Но чем ближе лодка приближалась к берегу, тем более рассеивалось это впечатление и становилось ясно, что впереди не просто деревня, а страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место, в котором по своей доброй воле люди, действительно, жить не могут.

По чьему-то темному и нелепому произволу деревня была стиснута на узком клочке земли между водою и камнем. Впереди, почти у самых избушек, бушевала река, а позади них стояли горы, отвесные, темные, изрезанные глубокими, мрачными ущельями. Сверху висело небо, низкое, черное. Выл ветер.

Река уже затопила половину деревни, но вода продолжала растекаться все дальше и дальше, захватывая огороды, гряды и подбираясь к стогам сена, низким и покосившимся. Но на улице былолюдно. Оставаясь совершенно безучастными к тому, что творила река, люди смотрели только на лодку, приближавшуюся к берегу.

Около самой воды стоял навтыжку плотный, мясистый унтер с револьвером на боку. Как только Чехов с помощью гребцов начал выбираться из лодки, унтер сделал страшное лицо и, оборотившись к деревне, закричал:

— Смир-р-на! Шапки долой!

Столпившиеся на берегу люди торопливо сдернули шапки и, опустив руки по швам, вытянулись перед Чеховым.

Не ожидавший такой чести Чехов сконфуженно приподнял свою мокрую шляпу и учтиво раскланялся. Затем он обернулся к унтеру, намереваясь что-то сказать, но не успел выговорить ни слова, так как унтер начал кричать:

— Ваше превосходительство! Разрешите доложить... Во вверенной мне деревне Крутой Яр проживают отбывшие срок каторжных работ и переведенные в крестьянское состояние вольные поселенцы! Налицо мужчин — 60, женского полу — 34, в карцере сидит 5 человек, в бегах трое... Все обстоит благополучно!

Шатаясь от сильных порывов ветра, Чехов выслушал рапорт.

— Благополучно? — переспросил он, с трудом шевеля губами и удерживая рукой норовившую сорваться с головы шляпу.

— Так точно, ваше превосходительство! — прокричал унтер и замер с рукою у козырька в ожидании дальнейших вопросов.

Недоумевая, Чехов оглядел выстроившихся перед ним людей, которые смотрели на него почтительно и с выражением самого рабского усердия на лицах.

— Чем же они занимаются здесь, эти люди?

— По своей по крестьянской части, ваше превосходительство! Хлебопашеством!

Тайна Лапшевникова

«Пожалуйста... не обращайтесь внимания ни на Лапшевникова, ни на Галушкина, ни на Ватрушкина...» — успокаивал Чехов мелиховскую учительницу М. Ф. Терентьеву в сентябре 1899 года. — Вас никогда не переведут без моего ведома, и, во всяком случае, если кто-либо из сильных мира сего пожелает перевести Вас, то я прииму все зависящие от меня меры, чтобы Мелиховская школа не лишилась Вас».

Кто же были эти «сильные мира сего», сулившие всякие неприятности мелиховской учительнице?

В примечаниях к письму читаем: «Лапшевников — это лицо не выяснено. Галушкин, Ватрушкин — пародии на фамилию «Лапшевников».

Обследовав восемь томов чеховских писем, мы нигде больше не сумели обнаружить Лапшевникова. Мы встретились с ним еще раз лишь в одном из неопубликованных писем М. Ф. Терентьевой Чехову, хранящемся в отделе рукописей Библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

«В прошлое воскресенье у меня были туманные картины, — писала учительница. — За мной присылал Лапшевников и предлагал волшебный фонарь; я, конечно, для блага детей не отка-

залась... Только фонарь был дан на один раз, ребяташки разлакомились и все спрашивали: «будут ли у нас еще когда-нибудь картины?» Я, конечно, должна была сказать, что нет, так как фонаря не дают; но что же делать?»

Письмо М. Ф. Терентьевой не многое прояснило, но стало очевидно: Лапшевников жил где-то по соседству, совсем неподалеку от Мелихова, может быть, в самом Мелихове.

Мы не ошиблись. Только Лапшевников на поверку оказался не Лапшевниковым, а... Варениковым, Иваном Арнадьевичем Варениковым! Не пародией, не символом, а реальным лицом с именем, отчеством и фамилией, давшей Чехову повод для всяческих шуток.

Помещик и земский «деятель», этот Вареников (или «Варэныков», как именует его однажды Чехов) действительно был соседом писателя по Мелихову. О подвигах этого господина можно было бы поведать миру не одну историю.

«Учительница со слезами рассказывала мне, — пишет уехавшему в Ялту Чехову сестра Мария Павловна, — будто Вареников сообщил попу, что Мелиховскую школу закроют непременно, т. е. у земства нет средств содержать ее. Я успокоила Марию Федоровну как могла, но все-таки это подло со стороны нашего соседа». И добавляет: «Высек он там еще каких-то мальчиков за порубку в лесу, теперь его будут судить, дело передано прокурору». Чехов в ответ писал Марии Павловне: «Насчет Вареникова писал мне суд[ебный] следователь. Дело потушено».

Во всяком случае, Вареников ясен. Что же касается «Лапшевникова», то это, конечно, такое же прозвище, как и «Галушкин» и «Ватрушкин». Прозвище, подвешенное мелиховской учительницей и вполне естественное в устах автора «Лошадиной фамилии».

Н. ПОДРОЛЬСКИЙ

— Гм, — удивился Чехов. — Разве здесь можно заниматься хлебопашеством?

— Не могу знать, ваше превосходительство!

От напряжения на лице унтера выступили крупные капли пота. Вытаращенные глаза его выражали почтение, страх и желание угодить начальству.

— Хорошо, — сказал Чехов. — Опустите руку... И, пожалуйста, не называйте меня вашим превосходительством. Я вовсе не генерал, уверяю вас...

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — прокричал унтер.

— И... и, если можно, не кричите так громко. У меня голова болит. Унтер испуганно поглядел на голову Чехова и прохрипел:

— Не угодно ли будет отдохнуть, ваше превосходительство?

— Да, да, действительно, — отозвался Чехов. — Не мешало бы...

— Пожалуйста, ваше превосходительство! Вот сюда...

Снова взявши под козырек, унтер обжег Чехова и кинулся указывать дорогу. Попутно он успел прокричать поселенцам, которые продолжали стоять без шапок, с вытянутыми по швам руками:

— Волюно! Р-разойдись!

Перепрыгивая с кочки на кочку и минуя огромные, выкорчеванные из болотистой земли пни, Чехов пошел мимо унылых изб, сложенных из плохого, сырого леса, без дворов, без зелени, без крылец. На некотором расстоянии от Чехова почтительно следовал унтер.

«Ку-ка-ре-ку!» — раздалось откуда-то. Чехов приостановился. На мшистой кочке разгуливал взъерошенный мокрый петух с веревкой на лапе. Другой конец веревки был привязан к колыску, вбитому в землю. Неодобрительно посмотрев на Чехова, искося, петух нехотя хлопнул крыльями и опять крикнул.

— Это он почему на привязи? — спросил Чехов.

— Не могу знать, ваше превосходительство! — прокричал унтер. Затем, подумав, добавил обыкновенным своим простуженным голосом: — Должно быть, по причине расположения места. Иначе нельзя. Чехов пожал плечами и пошел дальше.

Показалась новая большая изба, заметно отличавшаяся от всех прочих тесовой крышей, двором, палисадником, занавесками на окнах. В одной половине избы — лавка. Над входом в лавку вывеска: «Продажа всех-возможных товаров». Из другой половины появились хозяева и с поклонами вышли навстречу гостю.

...Чехов сидит в избе, за столом, перед самоваром. Изба чистая, светлая, оклеенная обоями. На стене картина: «Мариенбад, морские купанья близ Либавы». Под картиною стоит хозяин избы и лавки — поселенец раскольничьего вида — и, сложив руки на животе, рассказывает Чехову:

— Мы много довольны, ваше превосходительство. Нечего бога гневить. Живем хорошо. И земля здесь может родить, и климат, слава тебе господи, мягкий, одна беда...

— Какая? — спрашивает Чехов.

— Народ избаловался! Не хочет работать...

— А что здесь можно работать?

— Все можно, — говорит поселенец. — Что начальство велит, то и можно. А земля, она все произведет.

— Все?

— Все!

— Ну, а, например, дыню? — интересуется Чехов.

— Случается, ваше превосходительство. Вызревают и дыни.

Чехов достает из кармана записную книжку, быстро пишет.

Из сеней доносится шум, чей-то плачущий голос, и вслед за тем в избе появляется женщина, мокрая, грязная, простоволосая. Не говоря ни слова, она падает в ноги Чехову.

— Что такое? — встревоженно поднимается Чехов. — Встаньте, пожалуйста...

— Явите божескую милость, ваше превосходительство... Не дайте погибнуть!

— Встаньте, прошу вас... Что вы хотите?

— Хотим в каторжное состояние. Дозвольте, сделайте милость!

Расстроенный Чехов, недоумевая, взглянул на хозяйку.

— Что такое? Кто она, эта женщина?

— В сожительницах тут у одного, ваше превосходительство. А он отбыл срок наказания и крестьянские права получил.

— Так в чем же дело? Почему вы хотите обратно на каторгу?

— Нет никакого способа, ваше превосходительство! Не проживешь никаким родом... Пока мой был в каторжном состоянии, ему от казны пай шел, а теперь мы всего решились. С голоду пропадем, ваше превосходительство, лопухи едим...

— А вы хлеб сейте.

— Сеяли, ваше превосходительство, из сил выбились... Урожаю ни разу не было, срамота одна! Лопухи живут да брюква.

— Ага! Брюква все-таки вызревает?

— Не поспевают вызревать, ваше превосходительство! Ее водой уносит, сами изволили видеть...

Чехов недоумевающе пощипал бородку.

— Как же вы живете в таком случае?

— Сами не знаем! — воскликнула женщина.

Чехов задумался.

— Вы бы на материк просились, — сказал он наконец нерешительно.

— Денно и ночью просимся, ваше превосходительство... На пускают!

Женщина зарыдала и снова рухнула на колени.

— Дозвольте нам обратно в каторжное состояние, ваше превосходительство. Не дайте погибнуть!

Чехов совсем растерялся. Он скорбно и вместе с тем как-то податливо беспомощно склонился к женщине, пытаясь ее поднять с пола, и, досадуя на себя, на свою неумелость, на бессилие свое, проговорил глупым, вздрагивающим голосом:

— Зачем вы так?.. Встаньте же... Вы ошибаетесь, уверяю вас... Ну что я могу сделать, голубушка? Что? Что? Что?